

НАУМ

КОРЖАВИН

Я С ДЕТСТВА

ПОЛЮБИЛ

ОВАЛ

Наум Коржавин
Я с детства полюбил овал

«ФТМ»

2022

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=рус)6-44

Коржавин Н. М.

Я с детства полюбил овал / Н. М. Коржавин — «ФТМ», 2022

ISBN 978-5-17-147709-7

Наум Коржавин – поэт, прозаик, переводчик и драматург с поистине непокорным духом. В 1961 году дебютировал стихотворной подборкой в «Тарусских страницах». Слава Коржавина росла как подпольная, списочная, самиздатовская. Его стихи звучали на посиделках диссидентов, благодаря чему автор и приобрел славу, вышедшую за пределы книжных тиражей. «Поэт бесстрашной свободы» – сказал о нем прозаик и литературовед Бенедикт Сарнов. В стихотворениях Наума Коржавина читатель найдет темы патриотизма, любви, быстротечности времени, красоты природы. Его стихи – размышления о сущности человека в сочетании с эмоциональностью и юмором. Это настоящая поэзия, которую сам автор охарактеризовал как «ответ гармонии души на дисгармонию бытия».

УДК 82-1

ББК 84(2Рос=рус)6-44

ISBN 978-5-17-147709-7

© Коржавин Н. М., 2022

© ФТМ, 2022

Содержание

Предпутье	6
До войны	6
«Еще в мальчишеские годы...»	6
«Боль начинает наплывать...»	6
«До вечера, не в унисон толпе...»	6
Жуча	7
Детство кончилось	7
Война	8
Поездка в Ашу	8
«Это было в Уральских горах...»	8
На уральской станции	9
«О нет! Меня таким не знала ты...»	9
На военной пересылке	9
«От судьбы никуда не уйти...»	10
Москва	11
Эпизод	11
Поэзии	11
«Поэзия! Чего ты хочешь...»	11
«Здесь Юг. Здесь мягче. Здесь красивей...»	12
«Я питомец киевского ветра...»	12
«Нам портит каждый удачный шаг...»	13
Н. Глазкову	14
Отступление	14
Солдат в электричке	15
«Кем только я не был...»	15
«В этой комнате, в которой мы с тобой...»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Наум Моисеевич Коржавин

Я с детства полюбил овал

© Н.М. Коржавин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предпутье

До войны

«Еще в мальчишеские годы...»

Еще в мальчишеские годы,
Когда окошки бьют, крича,
Мы шли в крестовые походы
На Лебедева-Кумача.
И, к цели спрятанной руля,
Вдруг открывали, мальчуганы,
Что школьные учителя —
Литературные профаны.
И, поблуждав в круженье тем,
Прослушав разных мнений много,
Переставали верить всем...
И выходили
на дорогу.

1945

«Боль начинает наплывать...»

Боль начинает наплывать
Опять – тебе назло.
А ты быстрее за слова,
Но больше нету слов.

И ты поймешь: спастись нельзя,
И боль зальет глаза.
Ведь ты давно уж все сказал,
Что надо б тут сказать.

1941

«До вечера, не в унисон толпе...»

До вечера, не в унисон толпе,
Шарахающейся от таких,
Ходил и мечтал об одной тебе
И вслух сочинял стихи.
А город стиснул мечты домами.

А небо покрыло их серою коркой.
Но ты... Ты мелькала, вплетаясь в орнамент
Деревьев, Днепра и Владимирской горки.

1940

Жуча

Вот прыгает резвая умница,
Смеется задорно и громко.
Но вдруг замолчит, задумается,
Веселье в комочек скомкав.

Ты смелая, честная, жгучая.
Всегда ты горишь в движении.
Останься навеки Жучею,
Не будь никогда Евгенией.

1941

Детство кончилось

Так в памяти будет: и Днепр, и Труханов,
И малиноватый весенний закат...
Как бегали вместе, махали руками,
Как сердце мое обходила тоска.
Зачем? Мы ведь вместе. Втроем. За игрою.
Но вот вечереет. Пора уходить.
И стало вдруг ясно: нас было не трое,
А вас было двое. И я был один.

1941

Война

Поездка в Ашу

Ночь. Но луна не укрылась за тучами.
Поезд несется, безжалостно скор...
Я на ступеньках под звуки гремучие
Быстро лечу меж отвесами гор.
Что мне с того, что купе не со стенками, —
Много удобств погубила война,
Мест не найти – обойдемся ступеньками.
Будет что вспомнить во все времена.
Ветер! Струями бодрящего холода
Вялость мою прогоняешь ты прочь.
Что ж! Печатлейся, голодная молодость, —
Ветер и горы, ступенька и ночь!

1942

«Это было в Уральских горах...»

Это было в Уральских горах
Иль, вернее, во впадине гор,
Где река на восьми языках
С темной ночью ведет разговор.
Он звучал мне отчетливо так,
Говорливый, шумливый, немой...
Когда я проходил там в лаптях,
В пять утра возвращаясь домой.
Это юность моя, как река...
Озаренные шишки вокруг.
Или в мыслях от пули врага
Погибающий где-нибудь друг.
Как из впадины рвалась душа.
Даль была так доступно жива
За Миньяром вставала Аша,
За Ашою Уфа и Москва,
За Москвою опасность в глаза,
Там ведь рядом история шла...
А вокруг только горы в лесах,
Где в тени земляника росла.
Да! Леса. Но в рабочих ушах
Вместо шелеста скрежет стальной.
Я свободой только дышал
В пять утра, возвращаясь домой.

1945

На уральской станции

Над станцией бушует снег,
Слепляющийся теплый снег.
Он бьет в глаза и как на грех
Стремится вызвать женский смех,
Хороший серебристый смех,
Такой же теплый, как и снег.
Над станцией бушует снег,
А в ожидальном зале – смех,
Мужской, удушливый, сухой,
С едва подавленной тоской,
В который отзвук тот прошел,
Что все равно нехорошо.
Да! Все нехорошо – и пусть
Задержит поезд Златоуст,
И плохо прячется пускай
За анекдотами тоска.
Над станцией бушует снег
И хочет вызвать женский смех.

1946

«О нет! Меня таким не знала ты...»

О нет! Меня таким не знала ты,
Он вывернут войной, духовный профиль.
И верь не верь, предел моей мечты —
Печеный хлеб да жареный картофель.
Мне снятся сны. В них часто он шипит
На сковородке. И блестит от сала.
Да хлеба горы! Да домашний быт,
Да все, над чем смеялись мы, бывало.
Но как бы я об этом ни мечтал,
Но в тишине с картофелем и салом
Я б верно скоро дико заскучал!
И ты тогда б меня опять узнала.

1943

На военной пересылке

Два солдата и матрос.

Завтра бросят на мороз,
А тоска, как нож, остра,
А в коленях медсестра
Распласталась поперек
Сразу трех.
Так куда приятней жить.
Так красивше.
Не невинной погибать,
А пожившей.
А еще – на нижних нарах
Взятых из дому ребят
Баснями пугает старый
Трижды раненный солдат.
И согнувшись, как калеки,
На полу сидят узбеки,
Продают кишмиш по чести,
Вшей таскают в полутьме
И на все команды вместе
Отвечают: «Я бельме».
А на улице пока
Заморозь еще легка.
Ходят девочки в кино,
Шутят мальчишки смешно.
А снежинки, а снежинки
До чего как хороши...
Здесь не будет ни грустинки,
Только выйди и дыши.
Только выход нам закрыт:
Будка у ворот стоит.

1944

«От судьбы никуда не уйти...»

От судьбы никуда не уйти,
Ты доставлен по списку как прочий.
И теперь ты укладчик пути,
Матерящийся чернорабочий.
А вокруг только посвист зимы,
Только поле, где воеет волчица,
Что бы в жизни ни значили мы,
А для треста мы все единицы.
Видно, вовсе ты был не герой,
А душа у тебя небольшая,
Раз ты злишься, что время тобой,
Что костяшкой на счетах, играет.

1943

Москва

Эпизод

Что за мною зрится им,
Думать непривычно.
Я сижу в милиции,
Выясняю личность.
Что ж тут удивительного
Для меня, поэта?
Личность подозрительная
Документов нету.
Я тобою брошенный,
Потому что тоже
Ты меня, хорошая,
Выяснить не можешь.

1944–1945

Поэзии

Ты разве женщина? О нет!
Наврали все, что ты такая.
Ведь я, как пугало, одет,
А ты меня не избегаешь.

Пусть у других в карманах тыщи,
Но – не кокетка и не блядь —
Поэзия приходит к нищим,
Которым нечего терять.

«Поэзия! Чего ты хочешь...»

Поэзия! Чего ты хочешь?
И что ты есть, в конце концов?
И из каких хороших строчек
Вдруг кажешь ты свое лицо?
Я знатокам давно не верю,
Что, глядя совами в тетрадь,
За клеткою не видя зверя,
Незнамо что начнут болтать...

Но кроме образов и такта

Еще бывает существо.
И в нем ни критик, ни редактор
Не смыслит часто ничего.
И я отвечу на капризный
Вопрос о сущности вещей:
Поэзия идет от жизни,
Но поднимается над ней.
И роль ее груба и зрима
И в дни войны, и в дни труда, —
Она пускай недостижима,
Но притягательна всегда.

1945

«Здесь Юг. Здесь мягче. Здесь красивей...»

Здесь Юг. Здесь мягче. Здесь красивей.
Но здесь неладное со мной.
Мне снится Средняя Россия
С ее неяркою весной,
С весной, где неприглядны краски,
Где сыро,

серо,

нетепло...

Где поезд, вырвавшись из Брянска,
В капели дышит тяжело.
А пассажиру думать, мучась,
Что все идет наоборот,
Что тянет в мир какой-то лучший,
В который поезд не придет.
И он ворчит: «Плоды безделья».
Но не спасут его слова.
Потом под тот же стук капли
Навстречу двинется Москва,
И ты, забыв про все на свете,
Опять увидишь радость в том,
Что можно грудью резать ветер,
С утра смешавшийся с дождем.

1946

«Я питомец киевского ветра...»

Я питомец киевского ветра,
Младший из компании ребят,
Что теперь на сотни километров
В одиночку под землей лежат.

Никогда ни в чем я не был лживым
Ни во сне, ни даже наяву.
Говорю вам, что ребята живы,
Потому что я еще живу.

Ведь меня пока не износило —
Пусть наш век практичен и суров —
И, как в нашем детстве, ходит в жилах
С южным солнцем смешанная кровь.

Та, что бушевала в людном сквере,
Где, забыв о бомбах и беде,
Немцами расстрелянный Гальперин
Мне читал стихи о тамаде.

Под обстрелом в придорожной лунке
Залегли бойцы за грудой шпал.
Там в последний раз поднялся Люмкис,
И блеснул очками, и упал.

И сказать по правде, я не знаю,
Где, когда, в какой из страшных битв,
Над Смоленском или над Бреслау
Шура Коваленко с неба сбит.

За спиной года и километры,
Но, как прежде – с головы до пят
Я питомец киевского ветра,
Младший из компании ребят.

1946

«Нам портит каждый удачный шаг...»

Платону Набокову

Нам портит каждый удачный шаг
Внутренних слов мечь...
Раз говоришь, что пропала душа,
Значит, она есть.
Мы оба уходим в тревожное «прочь!»
Путь наш – по небесам.
Никто никому не придет помочь,
Каждый бредет сам.
И нам не надо судьбы иной,
Не изменить ничего,
И то, что у каждого за спиной,

Давит его одного.
И нам, конечно, дружить нельзя.
Каждый из нас таков,
Но мы замечательные друзья —
Каторжники стихов.
Мы можем лишь на расстоянии дружить
Дружбой больших планет,
А если и мы не имеем души —
Тогда ее вовсе нет.

1944

Н. Глазкову

Нас отпускали с разных предприятий
И почитали для себя же счастьем.
Подхватывали райвоенкоматы
И прогоняли воинские части.
К хорошим строчкам строчки подбирая
И занимаясь в жизни только ими,
Вполне возможно, были мы лентяи,
Но сволочами – все-таки другие.

1944

Отступление

Шли да шли. И шли, казалось, годы.
Шли, забыв, что ночью можно спать.
Матерились, не найдя подводы,
На которой можно отступить.
Шли да шли дорогой непривычной,
Вымощенной топотом солдат,
Да срывали безнадежно вишни, —
Все равно тем вишням пропадать.
Да тащили за собой орудья
По грязи и кручам, вверх и вниз.
Русские, всегда земные люди,
Без загробной веры в коммунизм.
Шли да шли, чтоб отдохнуть и драться,
Отстоять себя – страну и жизнь...
И еще за то, чтоб – лет через двадцать
Вновь поверить в этот коммунизм.

1942

Солдат в электричке

Кто-то что-то говорит,
Где купить и как продать.
А солдат сидит и спит,
Потому что он солдат.
Потому что на вино
Денег нету у него.
Ну а больше все равно
Он не купит ничего.
Только штатской жизни ширь
Все ж касается его...
Он вернется в этот мир
Или сгинет за него.

1944

«Кем только я не был...»

Юле Друшиной

Кем только я не был!
И все между прочим,
И все утопало в каких-то химерах...
Я был фрезеровщиком, чернорабочим,
Я был контролером
на точных размерах.
Но кем бы я ни был,
я был как калека.
И где б ни ступал я
шагами своими,
Меня называли улыбочато:
«Швейка»,
Так, словно бы «Швейк» – это женское имя.
Кем только я ни был...
Но дело не в этом,
А в том,
что не мог превратиться в кого-то.
И где б я ни был,
оставался поэтом
На горе своим
современным работам.
Пока я мотался,
и мне было плохо,
И вяз на простуженном
ноющем слове,

Товарищи шли
по великой эпохе,
Свои биографии
делая кровью.
Я тоже не видел
ни счастья,
ни блага.
Родная моя!
Ведь по мне это видно...
Но вот
у тебя на груди —
«За отвагу»,
И мне как мальчишке
становится стыдно.

1945

«В этой комнате, в которой мы с тобой...»

В этой комнате, в которой мы с тобой,
Черный вечер превратился в голубой.

А на лестнице, где мы с тобой стоим,
Оседает на карнизах светлый дым.

Почему ты лишь набросила пальто?
Если б ты его надела, было б что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.